

Часть V. ДИПЛОМАТИЯ ВЕРСАЛЯ

В.В. Романов

«Академический» интернационализм: проблема наднациональных политических институтов в проектах Т. Веблена и Ф. Тернера накануне Парижской мирной конференции 1919 г.

В период Первой мировой войны проблемы нового миропорядка и в частности перспективы создания каких-либо наднациональных политических институтов обдумывались многими представителями академического сообщества США. На страницах американских газет и журналов особенно в конце 1917 – начале 1919 гг. можно найти огромное количество разнообразных суждений на этот счет. Однако, по справедливому замечанию историка Уоррена Кьюхла, многие люди, высказывавшие свое мнение относительно предполагаемой международной организации, «имели ограниченные знания предмета», и поэтому их предложения носили подчас весьма утопический характер¹. Хотелось бы обратиться к двум интересным, на наш взгляд, точкам зрения, которые были представлены авторитетными учеными Торстейном Вебленом и Фредериком Тернером. Как следует из материалов архива президента США Вудро Вильсона, он ознакомился с их предложениями накануне своего отъезда в Париж. Насколько позиция, изложенная в документах, отражает «академический» вектор развития американского интернационализма?

Прежде всего, рассмотрим суждения Торстейна Веблена. Он к тому времени был довольно известным экономистом и социологом, автором нашедшей книгу о «праздном классе». В политической мысли США ему, как правило, отводили место либо «ученого-скептика», который

исследовал мир, не пытаясь его изменить, либо «бунтаря-одиночки», остроумно критиковавшего стяжательскую мораль, финансовую олигархию, милитаризм и империализм². На завершающем этапе мировой войны Веблен выступил с собственной достаточно радикальной программой реформирования миропорядка. Она была изложена в его книге³ и ряде других материалов, увидевших свет в 1917–1918 гг. Как и многие другие американские прогрессисты, Веблен был уверен, что послевоенное урегулирование открывало небывалые ранее возможности для «социальной инженерии» в глобальном масштабе. Эти возможности он связывал, прежде всего, с перспективой полного разгрома германского милитаризма, от которого, по его мнению, исходила главная опасность для всего мирового сообщества. Однако более важной задачей Веблен считал разрушение не столько старой Германии, сколько всего довоенного статус-кво, и осуществление на этой основе кардинальной перестройки самой капиталистической системы во имя «простого человека»⁴. Оценим некоторые аспекты его программы.

В одном из меморандумов, представленных в исследовательское бюро «Инквайри», которое занималось разработкой американских предложений по послевоенному урегулированию, Веблен указывает на два противоположных подхода к этой задаче. Один из них, по его словам, связан с возможностью заключения мира на основе дипломатического компромисса, который учитывал бы интересы лишь восьми великих держав, договорившихся об определенном паритете между собой. Другой подход — мир, в котором будет сформирована Лига миролюбивых народов⁵. Главное заключалось в том, что ее участники должны были быть готовы к отказу во имя международного сообщества от ряда своих суверенных национальных прав. Данный вариант, по его мнению, мог быть реализован на основе первоначального объединения «демократических народов Антанты». От того, какая из альтернатив будет реализована, заключал Веблен, будет зависеть и место США в новом миропорядке. В первом случае («компромиссный мир») Америке, писал он, пришлось бы согласиться всего лишь с ролью «интересующегося стороннего наблюдателя», поскольку миропорядок был бы определен соглашением между европейскими державами. Только реализация второй альтернативы, считал Веблен, позволила бы

Соединенным Штатам превратиться в «интегрирующий, а, возможно, в центральный и даже решающий фактор мирного урегулирования»⁶.

Поскольку первоосновой предполагаемой Лиги народов будет объединение французов и англоговорящих народов, Соединенные Штаты закономерно оказались бы в центре такой организации. Следовательно, инициатива по ее созданию должна во многом исходить от американской администрации. При этом Веблен очень точно расставил акценты в оценке последствий интернационализации американской внешней политики. Он, например, говорил о том, что участие США в работе Лиги народов неизбежно потребует от страны существенной реконструкции ее вооруженных сил. Поэтому Соединенные Штаты должны были быть готовы к переориентированию своей армии и флота с решения внутренних задач на поддержание мира в других регионах.

К числу важнейших принципов нового миропорядка Веблен относил взаимное согласие всех государств и народов с «первостепенностью нужд всеобщего мира». В этой связи он пытался найти ответ на вопрос о том, как быть с национальными интересами отдельных великих держав. Тем более что именно эти интересы, справедливо замечал он, и стали причиной мировой войны. Будут ли готовы современные нации в послевоенный период отказаться от своих национальных амбиций (торговых или патриотических), подчинив их общей пользе? Главным механизмом, который, по мнению Веблена, сумел бы добиться этого, могла бы стать лишь Лига миролюбивых народов, наделенная определенными полномочиями. «Постоянной целью проектируемой Лиги, — писал он, — нужно сделать сохранение мира в целом, а не содействие коммерческим предприятиям или защиту национальных амбиций». Но Лига будет способствовать достижению компромисса только между теми народами, которые готовы передать часть своего суверенитета под коллективный надзор. Исходя из этого, Веблен предлагал заменить концепцию «баланса сил» новым международным принципом, названным им «стандартизированной терпимостью» (*standardized forbearance*). Только после его практической реализации, утверждал он, «любая нация смогла бы осознать целесообразность отказа от своего всепоглощающего самолюбия»⁷. Поскольку, по словам Веблена, с этим принципом уже согласились все государства Антанты, то новое международное сообщество уже представлено «солидным

объединением французов, англоговорящих народов, китайцев, и группой так же думающих государств Латинской Америки и Западной Европы».

Для создания «работающей международной организации», Веблен предлагал сформировать в ней три структурных уровня. Первый уровень — объединение учредителей Лиги, которое должно было быть наделено важнейшими прерогативами, связанными с рассмотрением всех вопросов функционирования сообщества наций, и которое, соответственно, должно нести ответственность за положение в мире. Проводя аналогию с американской структурой власти, Веблен сравнивает этот уровень с федеральной властью США, при которой все территории сохраняют свое самоуправление. Второй уровень Лиги — народы, находившиеся под управлением Германии, Австрии, Турции и Болгарии. В перспективе, писал Веблен, они «находились на пути к членству в демократической федерации народов». Третий уровень — народы, опекаемые Лигой (отсталые народы, жители колоний). Управление ими следовало бы передать в руки тех наций, которые «в состоянии проводить там благоразумную экономическую политику в духе Лиги миролюбивых народов»⁸.

Касаясь экономических аспектов нового мироустройства, Веблен предлагал осуществить весьма радикальную меру, а именно, отменить национальные границы внутри Лиги. По его мнению, это способствовало бы осуществлению единой экономической политики, и, прежде всего, регулированию вопросов «экономического проникновения» и мировой торговли. Важнейшую цель экономической политики цивилизованных стран на территории проживания отсталых народов он видел во всемерной помощи их развитию. Путь, по которому следовало бы идти, был вполне традиционен: расширение инвестиций, создание концессий и т.п. Главное в данном случае — «не допускать каких-либо привилегий для отдельных стран или групп бизнеса». Поэтому Лига, считал Веблен, должна не только внимательно отслеживать ситуацию в этих регионах, но и иметь полномочия для исправления возможных ошибок. Видимо, подчеркивал он, было бы целесообразно передать в руки Лиги контроль над важнейшими предприятиями и природными ресурсами, находившимися на их территории. Этот курс он предлагал распространить и на номинально независимые государства, которые

фактически находились под юрисдикцией великих держав (например, Абиссиния, Месопотамия, Персия, Афганистан и др.)⁹. Другими словами, Веблен фактически вел речь о «нейтрализации» так называемых отсталых регионов, которая позволила бы, по его мнению, создать наилучшие условия для экономического и политического развития народов, там проживавших. По своей сути, данное предложение было более радикальным, чем принцип мандатов, закрепленный позднее на Парижской мирной конференции.

Отличительная особенность миропорядка, предлагаемого Вебленом, как видим, заключалась в создании нового международного общества, в котором был бы реализован максимальный отказ от национальных разграничений. Только так, по его мнению, можно было сделать шаг вперед по пути необходимых социально-экономических преобразований. Вот почему Версальский договор, не изменивший старых экономических устоев, оказался для Веблена мало приемлемым. В 1919 г. он писал, что Устав образованной Лиги Наций являлся всего лишь «политическим документом» в духе XIX в. «Верный политической традиции, Устав обеспечивал укрепление мира путем применения оружия и торговых санкций, но не предусматривал никаких мер для предотвращения войны путем изменения статус-кво, из-за которого и произошла эта грандиозная война»¹⁰.

Свои суждения по поводу нового миропорядка высказал и известный историк Фредерик Тернер. Напомним, что он был близко знаком с Вильсоном еще со времени обучения в аспирантуре университета Джонса Хопкинса, и поэтому у него была возможность передать свои размышления лично президенту незадолго до его отъезда на Парижскую мирную конференцию.

Меморандум Тернера был посвящен проблеме «политической инфразруктуры» создаваемой Лиги Наций. В частности он попытался доказать целесообразность функционирования международных политических партий. Свои взгляды Тернер подкреплял фактами из хорошо знакомой ему региональной истории США. Важнейшим тезисом историка можно считать его вывод о том, что «Лига Наций должна иметь в своей структуре законодательный орган со значительными, хотя на первых порах и ограниченными функциями». Главные трудности в работе международной организации будут, по его мнению, связаны

с возможными «интригами» отдельных наций, входящих в ее состав. Например, Тернер указывал на опасность таких интриг в связи с осуществлением каких-либо силовых акций. Причины такого поведения государств в Лиге он видел не только в традициях европейской дипломатии, но и в «экономических интересах и амбициях наций, ведомых их старомодными лидерами»¹¹.

Предотвратить данную тенденцию, считал Тернер, можно лишь с помощью мировой общественности. Доказательства тому он находил в широкой поддержке со стороны европейских рабочих тех американских идеалов, которые отстаивал президент. Следовательно, подчеркивал историк, надежды на мир во всем мире в ближайшее время будут напрямую зависеть не столько от позиции политиков, сколько «от страстного увлечения масс демократическим миром»¹². Поэтому он ставил вопрос о возможности применения американского опыта опоры на массы с целью сохранения международного единства.

Для обоснования своей точки зрения Тернер приводил ряд аргументов. Прежде всего, на основе сопоставления географических и демографических параметров США и Европы он делал вывод о примерной идентичности условий Старого и Нового Света. Хотя им констатировался и тот безусловный факт, что имевшиеся различия между американскими регионами все же не привели к формированию на их территории соперничавших наций. Объясняя данный феномен, Тернер указывал на особенности американского федерализма. В частности он говорил о том, что по форме федеральная модель США, хотя и являлась союзом государств, но на деле эти государства функционировали всего лишь как региональные единицы. Такая федерация позволила в определенной степени подчинить действия отдельных регионов общесоюзным политическим акциям, таким, например, как голосование в Конгрессе или работа Национальных партийных съездов. В результате американские регионы сумели преодолеть взаимный антагонизм, лишившись «тех атрибутов европейских наций, которые чаще всего являлись причинами войн». Хотя и в американской истории, резонно замечал Тернер, имели место противоречия между штатами, особенно по вопросам тарифов, транспорту или финансам. Существовали в США и аналоги «сфер влияния» (например, на территории новых западных штатов), и «баланс сил», и межрегиональные союзы. Но американцы

смогли через общедофедеральные действия и в частности через законодательные акты ограничить все указанные явления.

Однако объединить Европу, полагал Тернер, только экономической консолидацией или конституцией Лиги вряд ли получится. «Это сомнение увеличивается, если мы вспомним, что во многих случаях европейские нации даже поощряли сохранение различий между собой в интересах своей собственной политики». Исходя из этого, он сделал вывод, что в качестве «конструктивного вклада в новый миропорядок» следовало бы обратиться к американскому политическому опыту и в частности к деятельности партий, «функционирующих в рамках всего союза, а не его отдельных регионов». С помощью них, считал Тернер, в США были созданы условия для «межрегиональной лояльности». По его мнению, партии создавали своеобразные горизонтальные связи между регионами, что, по сути, противостояло вертикальным линиям, разделявшим их. Обращаясь к американской истории, Тернер называл партии той «последней нитью, которая разорвалась накануне гражданской войны» в США¹³.

Он говорил и еще об одном преимуществе использования партийной системы в Лиге Наций. Создание международных партий, писал он в меморандуме, будет способствовать распространению интернационализма не столько в его радикальной политической форме, представленной, например, международным социалистическим движением, сколько в объединениях противоположной, консервативной направленности.

Тернер поднимал и вопрос о судьбе радикальных партий в условиях единого международного политического пространства. «Не безопаснее ли, — спрашивал он, — позволить им [большевикам. — *В.Р.*] работать в международном законодательном органе, не оставляя возможности вести борьбу из темных углов без какого-либо чувства ответственности?»¹⁴. Одновременно Тернер указывал и на целесообразность борьбы с радикализмом «цивилизованными способами». В частности, он говорил о контроле со стороны законодательного органа Лиги над условиями труда и заработной платой рабочих и в Европе, и в Азии, что в итоге помогло бы предотвратить революции.

Завершая меморандум, Тернер еще раз подчеркивал, что международные партии смогли бы стать действенным механизмом нового

миропорядка лишь в том случае, если «в Лиге Наций был бы создан законодательный орган с ограниченной, но реальной властью». Среди его прерогатив он назвал решение мировых финансовых вопросов, использование силы, введение экономических санкций, принятие международного тарифного законодательства. Впоследствии к прерогативам Лиги можно было бы отнести и международное рабочее законодательство. Но возможно, предполагал Тернер, в первое время по всем этим вопросам Лига должна принимать лишь рекомендательные решения, утверждаемые впоследствии на национальном уровне¹⁵.

Таким образом, Тернер, анализируя политические аспекты нового миропорядка, высказывался за придание новой международной организации статуса наднациональной структуры, обладавшей законодательной властью. Закономерным продолжением этого стала и его идея создания международных политических партий, которые в перспективе стали бы своеобразным связующим звеном мирового сообщества.

Как видим, и суждения Веблена, и предложения Тернера демонстрируют их стремление значительно углубить вильсоновский интернационализм, который, по справедливой оценке ряда историков, в целом не смог все же преодолеть традиций «викторианского либерализма XIX в.»¹⁶. Рассмотренные предложения американских ученых интересны еще и потому, что в некоторой степени ими были предугаданы тенденции формирования единого политического и экономического пространства на территории Европейского Союза в конце XX – начале XXI в.

Примечания

1. *Kuehl W.F.* Seeking World Order. The United States and International Organization to 1920. Nashville, 1969. P. 287–289.
2. *Herman S.* Eleven against War: Studies in American Internationalist Thought, 1898–1921. Stanford, 1969. P. 151; Словарь американской истории: с колониальных времен до Первой мировой войны / под ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1997. С. 108–109.
3. *Veblen T.* An Inquiry into the Nature of Peace and the Terms of Its Perpetuation. N.Y., 1917.
4. *Ibid.* P. 254–255.
5. В других случаях Веблен называет ее «Лигой нейтралов» или «Федерацией миролюбивых народов».

6. *Veblen T.* Suggestions Touching the Working Program of an Inquiry into the Prospective Terms of Peace // *The Historian and the Diplomat. The Role of Historians in American Foreign Policy.* N.Y., 1967. P. 187–188.
7. *Veblen T.* Outline of a Policy for the Control of the “Economic Penetration” of Backward Countries and of Foreign Investments // *Ibid.* P. 190–192.
8. *Ibid.* P. 194.
9. *Ibid.* P. 197–198.
10. Цит. по: *Хофстедтер Р.* Американская политическая традиция и ее создатели. М., 1992. С. 298–299.
11. *Turner F.J.* A Memorandum. International Political Parties in a Durable League of Nations. Nov. [30?], 1918 // *The Papers of Woodrow Wilson / Ed. by A.S. Link et al. Vol. 1–69. Princeton, 1966–1994. Vol. 53. P. 264–265.*
12. *Ibid.* P. 265.
13. *Ibid.* P. 266–268.
14. *Ibid.* P. 269.
15. *Ibid.* P. 270.
16. *Mayer A.J.* Politics and Diplomacy of Peacemaking. Containment and Counter-revolution in Versailles. 1918–1919. N.Y., 1967. P. 83; *Herman S.* *Op. cit.* P. 174.

Л.В. Ланник

Накануне «удара в спину»: германская армия осенью 1918 г.

Одним из важнейших вопросов истории Германии первой половины XX столетия является проблема политического мифа, сокрушившего Веймарскую республику, — так называемой *Dolchstoßlegende*. Исследованию этого феномена, преимущественно в политическом разрезе, посвящены десятки специальных работ¹. Еще на стадии формирования версия «удара в спину» тесно переплелась еще с целым рядом сложных вопросов истории последних месяцев Великой войны, в том числе с дебатами об оправданности наступлений на Западе 1918 г. и о причинах их неудач.